

РАЗДЕЛ 2.
СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ
И КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ
ОПИСАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 99–113.

УДК 801.558

Е. Я. Тутаренко

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ
АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ГЛАГОЛЕ

Целью настоящей статьи является, во-первых, анализ публикаций по вопросам теории вида и особенностей видовых пар глаголов в русском языке, а во-вторых, описание лексико-грамматических отношений в семантике русских глаголов. Следует сразу же оговориться относительно библиографического обзора: по меткому замечанию В. А. Плунгяна, “аспектологическая литература практически необозрима; и даже если ограничиться какой-то одной областью (...), крайне трудно исчерпывающим образом учесть все написанное на эту тему” [1, 173]. Рамки статьи не позволяют произвести анализ всех публикаций последних лет, в связи с чем мы ограничимся лишь некоторыми из них, в основном представленными в виде докладов на аспектологическом семинаре в МГУ им. М. В. Ломоносова в 1994-1995 гг.

Как справедливо отмечает М. А. Шелякин, “несмотря на длительное изучение русской категории вида и известные успехи в ее исследовании, русская аспектология до сих пор не имеет однозначного решения ряда принципиальных вопросов” [2, 210]. Он перечисляет такие проблемы, как:

- проблема грамматического статуса категории вида;
- проблема чистовидовых приставок;
- проблема содержательной сущности категории вида;
- проблема семантической зоны категории аспектуальности;
- проблема одновидовости глаголов СВ [2].

Далее автор последовательно рассматривает все эти вопросы и высказывает свою позицию относительно их разрешения. Так, отвечая на вопрос, является ли вид *словоизменительной, словообразующей* или *классифицирующей* категорией, М. А. Шелякин полагает, что “взгляд на категорию вида как словоизменительную категорию, тесно связанную с лексическими особенностями глаголов, более оправдан” [2, 211]. Таким образом, глаголы в видовой паре признаются

формами одной лексемы, что значительно расширяет границы “большой глагольной парадигмы” (см. [3]), но не свидетельствует, по мнению автора, о наличии чистовидовых приставок в русском языке.

Наиболее трудной и спорной проблемой, нуждающейся в однозначном решении, является проблема определения содержательной сущности категории вида. М. А. Шелякин остается на своих прежних позициях признания маркированным членом видовой оппозиции глагола СВ, имеющего значение “целостности действия как неделимой совокупности начала, продолжения и предела (конца) обозначенного действия”, и двузначного и потому немаркированного НСВ, имеющего значение “нецелостности обозначенного действия” [2, 215].

Другой известный аспектолог, А. Н. Тихонов, также отстаивает свою неизменную позицию: категория вида является словоизменительной, противопоставление видов идет по линии выраженности внутреннего предела действия, в русском языке имеются чистовидовые префиксы, которые регулярно образуют видовые пары семантически совпадающих глагольных форм [4].

Поиски инварианта видового противопоставления, как поиски философского камня, кажутся вечными и бесконечными. М. Я. Гловинская отмечает, что “хотя за последние лет десять никаких радикальных новшеств в области инварианта вида не появилось, однако в лингвистике актуализировались некоторые общие лингвистические истины, а также были разработаны некоторые участки, которые непосредственно как бы и не были связаны с инвариантом, но тем не менее результаты этих разработок могут быть учтены при исследовании этого вопроса” [5, 37].

Что же такое инвариант? “Инвариант — это то общее в значении языковой единицы, что присутствует в любом ее употреблении либо преобразуется во что-то по правилам в определенных условиях” [5,37]. Наличие инварианта “делает наглядным “разумное” устройство языка и, кроме того, позволяет увидеть легко его системное устройство, оппозицию, выведение частного из общего”, не говоря о “практических удобствах для преподавания русского языка иностранцам, когда можно сослаться на общие значения какой-то категории” [там же].

Подробный критический анализ различных теорий вида был дан М. Я. Гловинской еще в 1982 году [6]. Все признаки, предлагаемые в качестве инварианта СВ, автор условно разбивает на две группы: “законченность”, “предельность” и “результативность”, с одной стороны, и “точечность”, “целостность” — с другой стороны. Признаки “законченность”, “предельность” и “результативность”, как показывает М. Я. Гловинская, характеризуют на самом деле не видовое значение, а лексическое, потому что они задают лексический класс глаголов, а именно — **предельные** глаголы. Это лексическое значение потому, что понятие **предела** присутствует у предельных глаголов в толковании и НСВ, и СВ [5, 40].

“Точечность” и “целостность” привлекают внимание к **фазовому характеру** действия. Признак точечности выделяет два фазовых момента (начало и ко-

нец), а целостность говорит о совокупном существовании начала, середины и конца (по классическому определению Л. П. Размусена). Таким образом, делает вывод М. Я. Гловинская, эти формулировки имеют более абстрактный, грамматический характер. Однако все перечисленные признаки опровергаются с помощью ряда примеров периферийного характера, которые доказывают, что ни один из них не является инвариантом СВ. Автор приводит необходимые примеры и делает вывод:

“Во-первых, мы можем фиксировать, что они ориентированы только на типичные, яркие случаи, но не охватывают случаев маргинальных. Исключением является “точечность”, которая, в отличие от остальных, не покрывает как раз наиболее типичные случаи. Во-вторых, они ухватывают слишком большой кусок смысла, куда входят и лексическое значение, и грамматическое” [5, 41]. Следовательно, нужен инструмент, с помощью которого можно отделить видовое от лексического. М. Я. Гловинская предлагает в качестве такого инструмента **стандартное толкование на метаязыке**.

С помощью такого толкования, сделав анализ “микроскопичным”, М. Я. Гловинская обнаружила инвариант ‘начать’ для СВ, однако так и не смогла пока обнаружить единого инварианта для глаголов НСВ.

С выделением в качестве инварианта СВ понятия **начала, возникновения состояния** не согласна М. Ю. Черткова [7, 194]. Она обращает внимание на то, что этот инвариант трудно объяснить, например, иностранцам, изучающим русский глагол, и приводит следующий аргумент: “Время прекращения такого, например, действия, как *сшить*, совпадает со временем начала вызванного этим действием состояния — это одна и та же точка: *Она сшила платье и Платье сшито*. Момент окончания процесса шитья платья одновременно есть момент начала нового процесса — существования платья.(...) Мне думается, что признак ‘начало’ принадлежит не первому процессу (*шить платье*), а второму (*платье существует*), и поэтому не может быть отнесено к глаголу *сшить*” [7, 194].

М. Ю. Черткова анализирует и другие наиболее часто встречающиеся в литературе определения СВ, такие как **целостность и предельность**. Понятие **целостности** не может выполнять роль инварианта потому, что не все глаголы СВ называют целостные действия, например, начинательные, ограничительные, глаголы становления этого признака не имеют. Данные глаголы, как отмечает автор, “передают не качественное изменение, а определенную фазу или количественное изменение”, а сама целостность является синтаксическим признаком, поскольку выводится из анализа сочетаемости глаголов [там же].

Понятие **предельности** в аспектологии многозначно. Оно “синонимично **ограниченности, лимитативности** и вполне подходит на роль инварианта СВ. Но согласно сложившейся в аспектологии традиции, предельными в отличие от не-предельных называют глаголы, обозначающие стремление к **внутреннему пределу** действия как к такой критической точке, по достижении которой действие должно, исчерпав себя, прекратиться. Однако к СВ относятся не только глаголы с семантикой внутреннего предела (т. е. результативные), но и другие” [там же].

С инвариантом НСВ, как отмечает М. Ю. Черткова, дело обстоит еще сложнее, поскольку диапазон оценки общего значения граммы НСВ очень широк: от абсолютного семантического “нуля” до признания его маркированным членом привативной видовой оппозиции. Автор статьи считает видовую оппозицию эквиополентной (в чем, кстати, мы с ней полностью согласны), а в качестве инвариантов НСВ и СВ рассматривает противопоставление сем ‘ПРОТ’ (протяженность, длительность, существование, текущее время) и ‘ЛИМИТ’ (лимитативность, ограниченность, физическое прекращение действия, состояния, отношения во времени). К этой точке зрения мы еще вернемся.

М. Ю. Черткова справедливо считает, что “трудности выявления видовых инвариантов, их скрытый грамматический характер не могут служить основанием для отказа от поиска семантических доминант этой сложнейшей категории русской (и, шире, славянской) языковой системы” [7, 193]. И это тем более важно для преподавания русского языка как иностранного, поскольку обучая инофонов категории вида, необходимо дать непротиворечивое, упорядоченное значение его семантики, показать как иерархически организованную систему грамматических признаков, опирающуюся на лексическую аспектуальную семантику и реализующуюся затем в текстах. Она возражает против впечатления о непознаваемости, “неуловимости” сущности НСВ-СВ, в результате чего у учащихся возникает “психологический барьер в осознании вида и необходимость заучивания безграничного количества правил и исключений” [7, 191].

В связи с практикой преподавания РКИ мнение зарубежных лингвистов о сущности русского глагольного вида представляется особенно интересным, поскольку понимание этой специфической категории носителями других языков может оказаться тем самым “взглядом со стороны”, свежим взглядом, которого как раз и не хватает нам для того, чтобы выйти из тупика. Большой вклад в русскую аспектологию внесли такие зарубежные ученые, как З. Вендлер, Б. Комри, П. В. Дурст-Андерсен, Д. Пайар и др.

П. В. Дурст-Андерсен подразделяет все теории вида на три группы: базирующиеся на теории инвариантного значения — единого семантического признака, который является достаточным для описания всех употреблений маркированного члена видовой оппозиции, а именно СВ; теории, основывающиеся на вариантном значении, т. е. на целом ряде семантических признаков, и теории, построенные на беспризнаковом подходе. [8, 71]. Общим для всех аспектологов, по мнению автора, является то, что “большинство исследователей, если не все, считают, что категория вида связана с понятием “внутреннего времени” [8, 72].

Далее П. В. Дурст-Андерсен высказывает критические замечания в адрес всех трех групп теорий вида и излагает причины их неадекватности, а затем предлагает свою классификацию ситуаций и глаголов русского языка. Он пишет: “Различаются две простые ситуации действительности, идентифицирующиеся на основе прямого, физического восприятия” [8, 74]. Это *деятельность* и *состояние*. Можно различать также две сложные ситуации действительности — это

событие и процесс. Событие определяется как *состояние*, каузированное *деятельностью*, а *процесс* — как *деятельность*, имеющая *состояние* своей целью. *Событие* и *процесс* включают в себя и *деятельность* и *состояние*, поэтому они представляют собой сложные ситуации действительности. “Назовем сложные ситуации “действием” (общее понятие для события и процесса), а простые ситуации — “не-действием” (общее понятие для деятельности и состояния). Оба понятия являются конструктами, т. е. плодами воображения, в том смысле, что действия и не-действия не имеют реальных эквивалентов, копий, в действительности” [там же].

В русском языке имеются соответственно простые глаголы (не-действия), т. е. глаголы *деятельности* и *состояния*, которые имплицитно имеют одну базовую пропозицию, соответствующую одной базовой ситуации. Глаголы действия имплицитно имеют две базовые пропозиции, соответствующие двум базовым ситуациям. В паре глаголов *ставить-поставить* “СВ подает действие как событие, т. е. как состояние, каузированное деятельностью, а НСВ представляет действие как не-событие, и тем самым как процесс, т. е. как деятельность, имеющую состояние своей целью” [8, 75].

“Итак, все чисто видовые пары представляют собой глаголы действия, а все другие глаголы, в том числе и способы глагольного действия, относятся к глаголам не-действия, т. е. к классам глаголов состояния и деятельности. СВ и НСВ глаголов действия, взятые в совокупности, называют идею действия, а взятые по отдельности они называют манифестации действия — событие и процесс” [8, 76].

Путем дальнейших рассуждений автор приходит к выводу, что СВ в русском языке представляет действие как событие, а НСВ как не-событие, главным образом, как процесс, однако эти определения вовсе не составляют грамматических значений видов. Грамматическое значение СВ инвариантно: “СВ презентует действие как событие, т. е. как состояние, каузированное деятельностью”, чему в действительности соответствует только *событие*. Что касается НСВ, то у него инвариантное значение, по мнению автора, “объемное, неспецифичное”, в результате чего “одной неспецифичной пропозиционной структуре НСВ соответствуют многие ситуационные структуры” [8, 81].

Таким образом, В. П. Дурст-Андерсен выдвигает теорию, согласно которой в русском языке между классами глаголов действия и не-действия проходит четкая граница. В классе глаголов действия находятся все чисто видовые пары, которые являются формами с общим лексическим значением (“называющие одно и то же действие”). В классе глаголов не-действия находятся все способы глагольного действия, существование которых внутри глаголов *состояния* и *деятельности* рассматривается как результат воздействия чисто видовых пар. Так, “разница в значении между глаголами СВ *посмотреть* и *увидеть* заключается не в грамматическом, а в лексическом значении. *Посмотреть* принадлежит к классу глаголов действия, а *увидеть* — к классу глаголов состояния. В грамматическом плане оба глагола включают в себя и пресуппозицию, и утверждение” [8, 86]. Глагол *посмотреть (фильм)* предполагает осуществление не-

обходимой для этого деятельности, а *увидеть (жену в толпе)* не включает в себя описание деятельности.

Наличие в русском языке категории вида “объясняется тем, что действие является конструктором, который имеет две манифестации, а именно событие (соответствующее формам СВ) и процесс (соответствующий формам НСВ)” [там же]. Теория В. П. Дурст-Андерсена столь же интересна, сколь и сложна, особенно затрудняют ее восприятие привычные термины, употребляемые в непривычных значениях. За терминами “глаголы состояния”, “действия” и “не-действия”, также как и за терминами “процесс”, “деятельность” и т. п. в русской аспектологии давно и прочно закреплены соответствующие понятия, поэтому нарушать сложившуюся систему нам кажется нецелесообразным.

Американский лингвист Б. Комри отстаивает свое мнение о том, что “вид — это грамматическая категория с семантической, а не с прагматической функцией” [9, 115]. Он утверждает, что “понятие предельности нельзя смешивать с СВ”, поскольку независимо от глагольного вида синтагма *писать это письмо* указывает на действие с пределом; “СВ (*написать это письмо*) указывает добавочно на достижение этого предела, а НСВ (*писать это письмо*) ничего не говорит о достижении предела” [9, 117]. Все это доказывает существование сложного взаимодействия между лексической и грамматической аспектуальностью. Правда, под “лексической аспектуальностью” автор подразумевает “классификацию глаголов (или, в более широком смысле, сочетание глаголов с дополнениями, подлежащим и обстоятельствами) с точки зрения их внутреннего временного контура” [там же], что представляется нам не вполне оправданным. По нашему мнению, лексическая аспектуальность связана с лексическим значением глагола.

Так, Л. Ясаи, анализируя морфологические категории русского глагола, вслед за А. В. Бондарко, выделяет ФСП аспектуальности, являющееся понятием более широким и гибким, чем категории (например, вид). [10]. Аспектуальность он определяет как ФСП, “содержанием которого является характер протекания и распределения действия во времени, а выражением — разнообразные средства языка: морфологические, словообразовательные, синтаксические и лексические” [10, 7]. Ядром поля аспектуальности является грамматическая категория вида, представляющая различия в протекании действия и выражающаяся в противопоставлении двух форм: “СВ с признаком целостности действия (т. е. закрытости внутренней временной структуры действия) и НСВ с невыражением этого же признака” [там же].

Ханс Роберт Мелиг в описании категории вида русского глагола проводит аналогию с индивидуативами и континуативами существительных, выделяя среди глаголов трансформативы и нетрансформативы [11]. Нетрансформативные глаголы обозначают сложное, членимое действие, проявляющееся в повторении одинаковых актов; трансформативы обозначают ситуации, у которых предшествующее и последующее состояние являются не идентичными, т. е. те, которые во временном плане являются гетерогенными.

Таким образом, исследователи русского глагольного вида идут в основном следующими путями: анализируя семантику глагольного слова либо анализируя аспектуальную ситуацию, а не находя единого инварианта, стремятся свести то и другое воедино.

Нам близко направление поиска семантического инварианта видového противопоставления во взаимодействии лексической и грамматической семантики глагола, в проникновении в его семную структуру, как это делают М. В. Всеволодова и М. Ю. Черткова.

М. В. Всеволодова, опираясь на закон семантического согласования В. Г. Гака, в комплексе с понятием валентности и некоторыми другими понятиями разработала стройную теорию, которую мы попытаемся кратко изложить следующим образом. Закон семантического согласования существует в трех разновидностях:

- семантическое согласование;
- семантическая совместимость;
- семантическое рассогласование [12, 20].

Автор выделяет лексические семы и грамматические и приходит к выводу, что “лексические семы оказываются “сильнее” грамматических” [12, 35]. В разных контекстах у глаголов выделяются разные семы. Это могут быть: сема *одновременность* (О), *протяженность* (во времени) (ПРОТ), *процессность* (ПРОЦЕСС), *повторяемость* (ПОВТ), *однократность* (ОДН), сема *срок* (СРОК), *результат* (РЕЗУЛЬТ) и ЛИМИТ, выступающий в двух разновидностях: ЛИМИТ 1 (*логический предел*) и ЛИМИТ 2 (*временной предел*), а также некоторые другие семы. Сему временной локализованности М. В. Всеволодова не считает глагольной, поскольку это значение “представляется нам контекстуальным и не затрагивающим семный состав самого глагольного слова” [12, 33].

Семы вступают во взаимодействие в результате действия закона семантического согласования и валентности. Автор перечисляет глагольные семы, значимые для аспектуальной характеристики предложения:

“1) лексические семы: ПРОТ, СТАН, ЛИМИТ 1, КВАНТ, конъюнкция сем ПРОТ. РЕЗУЛЬТ;

2) грамматические (собственно видовые) семы: ПРОЦЕСС, ПОВТ, конъюнкция сем ПРОЦЕСС. РЕЗУЛЬТ, дублирующая лексическую сему ЛИМИТ 1, ОДН;

3) грамматические, свойственные видовременной форме глагола. Пока из этих сем налицо сема ‘временная неограниченность действия или события’ (Unlimit 2)” [там же].

Семы могут быть индифферентными относительно некоторых смыслов, так, сема ПРОЦЕСС индифферентна относительно значения однократности/повторяемости. Семы могут быть сильно и слабо заряженными, грамматические семы могут принадлежать собственно форме и некоторому значению формы. Формулу семного состава глагола М. В. Всеволодова представляет в виде дроби, в числителе которой записываются лексические семы, а в знаменателе — грамматические.

Очень интересным представляется нам следующее замечание: “славянский НСВ не является точным коррелятом глагола в невидовых языках: он так же отличается от соответствующего глагола в невидовом языке, как и СВ; т. е., например, русск. *писать* и *написать* по своему семному грамматическому составу равно отстоят от английского *to write*” [12, 27].

М. Ю. Черткова, как уже было сказано, выделяет в качестве инвариантных сем ‘ПРОТ’ для НСВ и ‘ЛИМИТ’ для СВ [7]. Она полагает, что ГК вида отражает объективную ось времени, а ГК времени глагола — относительную временную ось. Исходя из этого, “**общекатегориальный видовой инвариант**, т. е. топологическое соотношение грамем НСВ и СВ, может быть сформулирован как понятие **ДЕЙСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ**. Это значит, что категория вида соотносит действие с объективными фазами его существования — началом, протеканием, прекращением” [7, 197]. Следовательно, “категория вида — это (...) еще одна морфологическая категория времени” [там же].

Результаты проведенного синхронного контрастивного анализа позволяют М. Ю. Чертковой утверждать, что ‘ДЕЙСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ’, ‘ПРОТ’ и ‘ЛИМИТ’ являются лингвистическими универсалиями, что инварианты русского вида совпадают с аспектуальными инвариантами ряда индоевропейских языков славянской, германской и романской группы, а также корейского и китайского языков [7, 201].

Если принять точку зрения М. Ю. Чертковой о том, что вид является еще одной категорией времени, одной из трех грамматических категорий глагола, которые сформировали славянские языки, а именно: вид, время и таксис, то к их числу, по нашему мнению, следует добавить еще одну специфическую категорию, описанную О. М. Соколовым, — лексико-грамматическую категорию фазовости. [13]

Вслед за О. М. Соколовым, мы определяем фазовый инвариант не только в классических видовых парах, но и в аспектуальных парах глаголов СВ-НСВ, находящихся в отношении прямой мотивации, таких как *запеть-петь*, *рыть-вырыть*, *шагать-шагнуть* и т. п. [14]. О. М. Соколовым было доказано, что отношения между глаголами разных видов складываются по трем направлениям фазовости: начало процесса — процесс; процесс — конец/результат процесса; единичность — повторяемость процесса.* [13]

Среди видовых пар, традиционно выделяемых в аспектологической литературе, ядерными являются пары с процессно-результативными отношениями типа *подписывать/подписать*, *строить/построить*. В последнее время все больше получает признание точка зрения о возможности значения начинательности в видовых парах (см., например, [15]). “Начинательно-процессные отношения между глаголами СВ и НСВ так же характерны в кругу глагольных видовых оппозиций, как и процессно-результативные” [15, 116]. Примерами таких отношений являются: *упереться/упираться*, *образовать/образовывать*, *примкнуть/при-*

* Процессно-ограничительные отношения (*писать-пописать*, *ходить-походить*) являются разновидностью фазовых отношений “процесс — конец процесса”, в этих случаях процесс ограничен не внутренним, а внешним временным пределом.

мыкать и т. п., где глагол СВ называет начало последующего процесса, обозначенного глаголом НСВ.

Третий тип фазовых отношений также регулярно проявляется в некоторых видовых парах, таких как *навещать/навестить*, *повторять/повторить*, *являться/явиться*, *просить/попросить*, *жалеть/пожалеть* и т. п., где глагол СВ называет однократный, а глагол НСВ — повторяющийся процесс. [16]. Таким образом, все три типа фазовости находят выражение в видовых парах русских глаголов, причем отношения процессно-результативные и начинательно-процессные могут быть присущи глаголам СВ-НСВ в одной и той же видовой паре в зависимости от ситуации, например: *располагаться* — *расположиться* — *располагаться* (известный пример О. М. Соколова: *туристы долго располагались на новом месте, наконец расположились и теперь располагаются очень удобно*).

Отношения единичности-повторяемости являются универсальными и характерны для всех видовых пар в тех случаях, когда глаголы употребляются в ситуациях временной нелокализованности. Однако существуют такие видовые пары, в которых эти отношения являются основными (ядерными). Наличие таких глаголов мы объясняем их семным составом. Известно, что лексические и грамматические семы в глаголе взаимодействуют. Они могут дублировать, поддерживать, усиливать, ослаблять или даже зачеркивать друг друга (по теории И. А. Стернина [17]). Для того чтобы терминологически развести лексические и грамматические семы, мы предложили для последних название “граммы” [16]. Таким образом, в семантике глагола может находиться, например, сема **Одн.** (однократность) или **Ит.** (итеративность) и граммма **Ед.** (единичность) или **Повт.** (повторяемость). Так, в глаголах СВ с суффиксом **-НУ-** сема **Одн.** вносится этим суффиксом в лексическое значение, а граммма **Ед.** содержится в грамматической семантике совершенного вида, в результате чего происходит усиление этих сем (*шагнуть, моргнуть, кивнуть* и т. п.).

В русском языке существует целый класс глаголов, у которых сема **Ит.** входит в ядро лексического значения. Это и многоактные глаголы НСВ (*шагать, кивать, моргать*), и “глаголы с семой итеративности” [18] (*включать, навещать, появляться*), и глаголы разнонаправленного движения (*ходить, летать, бегать*). Благодаря этой семе данные глаголы выражают значение повторяемости в тех контекстах, в которых другие глаголы НСВ обозначают конкретную процессность. Иными словами, эти глаголы называют процесс, состоящий из повторяющихся актов, т. е. гомогенный процесс, в котором называемое глаголом действие членится на такие акты, каждый из которых может быть равен как части действия, так и самому действию: *шагать* = *шагнуть+шагнуть+шагнуть+...* (процесс неопредельный); *повторять* = *повторить+повторить+повторить+...* (процесс неопредельный).

Значение конкретной процессности данные глаголы развивают с трудом в специальных контекстных условиях: смотри, я *включаю* свет; в этот момент *появляется* наш герой. Глаголы без семы итеративности легко развивают значение конкретной процессности в ситуации временной локализованности (маль-

чик *читает* книгу, ваза *стоит* на столе), а для выражения повторяемости им требуется специальный контекст и ситуация временной нелокализованности (*по вечерам мальчик читает книгу; иногда ваза стоит на столе*).

Итак, какие же аспектуально значимые семы и какие граммы взаимодействуют в глагольной семеме? Следует согласиться с М. Я. Гловинской, Б. Комри и другими лингвистами, определяющими предельность как лексическое, а не грамматическое значение глагола. При этом можно, вслед за М. В. Всеволодовой, назвать сему глаголов СВ ЛИМИТ, или Лим. (лимитативность), а сему глаголов НСВ — П (предельность) либо НП (непредельность). Кроме того, в глаголах любого вида может присутствовать сема Одн. (однократность или одноактность) или сема итеративности Ит. Лексические семы, как предложила М. В. Всеволодова, мы будем располагать в числителе, а грамматические — в знаменателе семной дроби.

К числу грамматических сем — грамм — мы относим Ед. (единичность), Повт. (повторяемость), Л (временную локализованность) и НЛ (временную нелокализованность). В набор грамм глаголов СВ входят Ед. и Л. Таким образом, формула граммы СВ в самом общем случае выглядит так:

Лим.

Ед. Л

Глаголы НСВ, по нашему мнению, представлены следующими граммами:

П
Ед. Л // Повт. НЛ

либо

НП
Ед. Л // Повт. НЛ

Является ли сема временной локализованности глагольной, как считает А. В. Бондарко и его последователи, или контекстуальной, как полагает М. В. Всеволодова, — это вопрос, требующий дальнейшего изучения. Однако уже сейчас нам ясно, что временная локализованность обуславливает единичность процесса, тогда как временная нелокализованность коррелирует с повторяемостью. Таким образом, грамма Ед. всегда сочетается с граммой Л, а грамма Повт. — с граммой НЛ.

Глаголы НСВ имеют два набора грамм (Ед. Л и Повт. НЛ), которые взаимноисключают друг друга. Они не могут быть актуализованы одновременно, хотя могут быть одновременно погашены, нейтральны, как это происходит при употреблении глагола НСВ в общефактическом значении (*Вы читали эту книгу?*). Конкретно-процессное значение НСВ связано с актуализацией грамм Ед. Л, а неограниченно-кратное — с актуализацией набора Повт. НЛ: *Вечером он читал книгу — По вечерам он читал книгу*.

В контексте происходит взаимодействие сем и грамм глаголов. Так, глагол *навестать* имеет, по нашему мнению, такую семную формулу:

НП Ит.,
Повт. НЛ/Ед. Л

где сема итеративности поддерживает грамму повторяемости, что обуславливает выражение этого значения в большинстве контекстов и затрудняет ис-

пользование глагола в ситуации временной локализованности, т. е. погашает граммы Ед. Л. Сравним: *Друг навещал/ навещает/ будет навещать меня в больнице.* — *Друг лежал/ лежит/ будет лежать в больнице.* И если в форме прошедшего времени первое высказывание (*друг навещал меня*) еще можно понять как констатацию факта однократного посещения, то в остальных формах времени, также как и в императиве (*навещай его*), однозначно выражается повторяющееся действие. Употребление же глагола СВ *навестить*, имеющего семный набор

Лим. Одн. ,
Ед. Л

где сема однократности поддерживает и усиливает грамму единичности, однозначно свидетельствует о том, что действие имело место только один раз: *Друг навещил/ навещит меня в больнице.*

В контексте семы и граммы могут зачеркиваться, погашаться либо поддерживаться, усиливаться. Например, при наличии лексического показателя кратности глагол СВ обозначает повторяющееся действие: *Друг навещил меня пару раз.* Семы Одн. и Ед. зачеркнуты контекстом. В предложении *Однажды он навещал меня* зачеркнута сема Ит., актуализован набор грамм Ед. Л.

Следует отметить, что сема Ит., которая, как уже было сказано, содержится в ядре лексической семантики определенных глаголов НСВ, сохраняется и в производных глаголах СВ, таких как: *попрыгать, допрыгать, отпрыгаться* и т. п. Формула этих глаголов такова:

Лим. Ит.
Ед. Л

Как видим, здесь вступают в сложное взаимодействие сема итеративности с граммой единичности. В результате глаголы называют безусловно результативный, законченный процесс (даже если он перенесен в план будущего времени), состоящий из повторяющихся актов, т. е. внутренне расчлененный, дискретный. Мы классифицировали такой вид повторяемости как “имплицитную внутрисловную повторяемость” [18]. Возможно, в данном случае действительно перед нами пример того, что лексические семы оказываются сильнее грамматических (см. [12]). Однако полностью согласиться с этим утверждением мы пока не готовы и считаем необходимым продолжить изучение вопроса об иерархии сем. Следует отметить, что дериваты СВ имеют только многоактные и моторно-кратные глаголы. Глаголы же типа *повторять, навещать, появляться*, которые составляют особую лексико-семантическую группу, не имеющую пока специального названия и определяемую нами как “глаголы с семой итеративности”, отличаются целым рядом признаков, в числе которых отсутствие суффиксально-префиксальной словообразовательной (глагольной) валентности. Иными словами, эти глаголы не имеют дериватов СВ, возможно, именно потому, что сема итеративности вступает в противоречие с граммой единичности, свойственной совершенному виду. У этих глаголов возможны разве что дериваты с ограничительной приставкой ПО- в разговорной речи (*понавещать, повторять* какое-то время).

Не имеют данные глаголы и вторичных имперфективов, что также может быть обусловлено наличием в их семантике семы итеративности. Дело в том, что суффикс вторичной имперфективации –ИВА-/ЫВА- также содержит сему итеративности, поэтому формула глаголов с этим суффиксом такова:

Ит.
Ед. Л // Повт. НЛ.

В случае актуализации набора грамм Ед. Л сема итеративности погашается и глагол называет конкретный процесс: *Я подписываю это письмо*. В случае актуализации набора Повт. НЛ сема Ит. усиливается: *Я подписываю все письма*. Очевидно, погашение лексической семы граммой у вторичных имперфективов возможно потому, что эта сема не входит в ядро лексического значения глагола, а содержится в семантике суффикса, поэтому она “слабее” граммы. Сравним с вторичным имперфективом многоактного глагола *подпрыгивать*, у которого происходит сложение сем Ит., имеющих и в лексической семантике, и в суффиксальной, так сказать, Ит. в квадрате. Актуализация конкретно-процессного значения этого глагола затруднена и ограничена определенными контекстными рамками: *Смотри, он как раз сейчас подпрыгивает*. В минимальном контексте этот глагол называет повторяющееся действие: *мальчик подпрыгивал/подпрыгивает/будет подпрыгивать*. То же в императиве: *Подпрыгивай!* Если говорящему необходимо обозначить однократное действие, он употребит СВ: *Подпрыгни!*

Фазовый инвариант в видовой паре глаголов с семой итеративности можно определить только как однократно-многократный, поскольку известная формула Ю. С. Маслова “делал, делал и наконец сделал”, выражающая послепредельную фазовость, здесь не подходит (*подпрыгивал, подпрыгивал и наконец подпрыгнул). Нет здесь и допредельной фазовости, которая определяется как отношение начала процесса к его продолжению (*подпрыгнул и теперь подпрыгиваю). В парах вторичных имперфективов глаголов без семы итеративности в условиях временной локализованности отношения процессно-результативные (послепредельная фазовость): *подписывать — подписать письмо*; а в условиях временной нелокализованности — однократно-многократные: *подписывать — подписать письма*.

Рамки одной статьи не позволяют детально рассмотреть все случаи взаимодействия лексических и грамматических сем, однако дальнейшие исследования в этом направлении представляются нам перспективными не только в общетеоретическом плане, но и в плане развития методики преподавания русского языка иностранцам. Поиски простого и понятного инофонам объяснения видового противопоставления и видоупотребления в русском языке необходимо продолжать. Нельзя не согласиться с мнением Ю. А. Мартиновского о том, что “категория вида является основополагающей и выражает самую первичную, и главное, самую простую понятийную оппозицию” [19, 70]. Доказательством этого автор считает тот факт, что “любой русскоговорящий ни в малой мере не сомневается при выборе нужного ему в высказывании вида. Он может допускать

неточности в ударении, в склонении, в спряжении, но даже самый безграмотный и косноязычный носитель языка пользуется глагольным видом без ошибки” [там же].

Обычно считается, что категория вида в русском языке — это одна из самых сложных категорий, потому-то нам так трудно понять ее самим и объяснить ее иностранцам. Между тем, сделать это необходимо, т. к. вид — “это не просто одна из формальных характеристик русского глагола, стоящая в одном ряду с остальными. Это хребет системы” [19, 73]. И при этом, если “непредвзято рассмотреть морфологическое устройство русского глагола, то бросается в глаза, что оно до крайности просто: два вида, и в каждом виде по две парадигмы — парадигма настоящего (будущего) и парадигма инфинитива. Нет никакого основания думать, что столь стройное и цельное морфологическое устройство не соответствует столь же стройному и простому понятийному осмыслению действительности” [там же].

Таким образом, подводя итоги наших рассуждений, следует кратко сформулировать ответы на “коренные” вопросы аспектологии, о которых говорилось в начале статьи. Мы считаем категорию вида классифицирующей, глаголы в видовых парах безусловно разными словами, а само понятие видовой пары значительно расширяем, обозначая этим термином все противопоставления глаголов СВ-НСВ, находящихся в отношениях прямой мотивации. В этих парах всегда можно определить фазовый инвариант. Наличие в русском языке одно-видовых глаголов, не имеющих ни одного деривата, т. е. существующих в единственной лексеме, не противоречит теории фазовости. Глаголы НСВ типа *учительствовать*, как и все глаголы НСВ, называют процесс, потенциально способный к фазовой членимости, как и у всех глаголов НСВ, фазовость в этих случаях можно выразить аналитически с помощью вспомогательных средств. Редкие в русском языке одиночные глаголы СВ типа *ринуться* имеют нулевую фазовость.

Одним из доказательств того, что глаголы в видовых парах являются разными лексемами, а не формами одной лексемы, мы считаем, помимо уже известных аргументов, наличие **грамматических видовых сем** (грамм), наборы и комбинации которых и противопоставляют все глаголы одного вида всем глаголам другого вида. В глагольном слове лексические и грамматические семы взаимодействуют. Их количество ограничено. Таким образом, глаголы в видовых парах различаются именно тем, что они являются глаголами **разных видов**, поскольку не существует чистовидовых аффиксов. Суффикс вторичной имперфективации не является чистовидовым, поскольку имеет сему **Ит.**, которая актуализуется одновременно с граммами **Повт. НЛ** в граммеме НСВ. Вот почему вторичные имперфективы значительно легче и чаще называют повторяемость действия. Именно поэтому в видовых тройках (*читал — прочитал — прочитывал*) первичный НСВ может употребляться в общефактическом значении, а вторичный нет. Однако это тема отдельного исследования.

Литература

1. Плунгян В. А. Вид и типология глагольных систем. // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 173-190.
2. Шелякин М. А. О спорных вопросах русской аспектологии. // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 210-219.
3. Семиколенова Е. И. Парадигма русского глагола в языке и ее реализация в речи. // Культура народов Причерноморья.- 2002 г. — № 34.- С. 52-56.
4. Тихонов А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографии. — М.: Academia, Языки народов России, 1998.- 280с.
5. Гловинская М. Я. Еще раз к вопросу об инвариантах совершенного и несовершенного вида. // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 37-49.
6. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. — М.: Наука, 1982.- 154 с.
7. Черткова М. Ю. Инварианты русского вида и аспектуальные универсалии. // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 191-209.
8. Дурст-Андерсен П. В. Совершенный и несовершенный виды русского глагола с позиции ментальной грамматики. Семантика. Прагматика. // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 71-90.
9. Комри Б. Общая теория глагольного вида.// Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 115-121.
10. Ясаи Л. Лекции по глагольному виду. Специальный курс для студентов русистов.- Budapest, ELTE, 1993.- 84с.
11. Mehlig Н. R. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени. О категории глагольного вида в русском языке. // *Revue des etudes slaves*.- Paris, LXVI/3, 1994.- С. 585-606.
12. Всеволодова М. В. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова. (Закон семантического согласования, валентность и глагольный вид). // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 19-36.
13. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка.- М.,1997.- 202с.
14. Титаренко Е. Я. Обучение категории вида русского глагола на основе теории фазовости. // Ученые записки Таврического нац. ун-та.- 2002г.- Т. 15 (54).- № 2: Филол. науки.- С. 104-110.
15. Семиколенова Е. И. Является ли значение начинательности грамматическим признаком видовой пары? // Ученые записки Таврического нац. ун-та.- 2002г.- Т. 15 (54).- № 2: Филол. науки.- С. 110-117.

16. Титаренко Е. Я. Коммуникативный анализ семантической структуры русского глагола. // *Филологические студии.* - 2001. - №2. - С. 155-160.

17. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985.

18. Титаренко Е. Я. Повторяемость действия в системе аспектологических категорий русского глагола. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1989. — 16 с.

19. Мартиновский Ю. А. Что такое глагольный вид в русском языке? // *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.* - Т. 2 — М., 1997. - С. 69-82.

Поступило в редакцию 12. 10. 2002